

УЧАСТИЕ КНЯЗЯ ОЛЕЛЬКИ ВЛАДИМИРОВИЧА В ЖИЗНИ КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ В 1441–1451 гг.

Д. О. Рубисов

*Государственное учреждение «Национальный исторический архив Беларуси»,
ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск, Беларусь;
Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, dannil.rubisov@mail.ru*

В статье рассматривается роль киевского князя Олельки Владимировича в церковной жизни Великого Княжества Литовского 1440-х гг., его взаимодействие с киевскими митрополитами. Обсуждается вопрос о Киеве как номинальной столице митрополии в церковной политике князя Олельки. Анализируется историография по вопросу оценки роли киевского князя Олельки Владимировича в вопросе церковной унии и объединения Киевской митрополии.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; Киевская митрополия; церковная уния; духовная иерархия Великого Княжества Литовского; Православная церковь; церковная история; Ферраро-Флорентийский собор; великий князь литовский.

PARTICIPATION OF PRINCE OLELKO VLADIMIROVICH IN THE LIFE OF THE KYIV METROPOLIS, 1441–1451

D. O. Rubisov

*State institution “National Historical Archives of Belarus”, Kropotkin street, 55, 220002,
Minsk, Republic of Belarus;
Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, dannil.rubisov@mail.ru*

The article examines the role of the Kyiv Prince Olelka Vladimirovich in the church life of the Grand Duchy of Lithuania in the 1440s and his interactions with the Kyiv metropolitans. The question of Kyiv as the nominal capital of the metropolis in the ecclesiastical policy of Prince Olelka is discussed. The historiography is analyzed regarding the assessment of Kyiv Prince Olelka Vladimirovich's role in the matter of church union and the unification of the Kyiv metropolis.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; Kyiv Metropolitanate; Church Unia; spiritual hierarchy of the Grand Duchy of Lithuania; Orthodox Church; church history; Council of Florence.

Город Киев являлся номинальной столицей митрополита Всея Руси и поэтому роль киевского князя, а затем и киевского наместника великого князя литовского становилась ключевой в моменты, когда необходимо было решать посреднические вопросы между светской и духовной властью в регионе Восточной Европы, межконфессиональные, финансовые и другие вопросы. Для самого киевского князя и его семьи роль медиатора

давала возможность при кардинальных изменениях социальной структуры аристократического общества Великого Княжества оставаться на политическом олимпе важной фигурой.

Стоит отметить, что известный в историографии комплекс нарративных и актовых источников, раскрывающих проблему взаимоотношения киевского князя Олельки Владимировича с митрополитами, был опубликован еще в дореволюционный период. Однако, роль и место киевского князя в церковной жизни Великого Княжества Литовского не становились предметом отдельного исследования, хотя раскрывает проблему не только возвышения рода Олельковичей в церковно-политической жизни Великого Княжества Литовского, но также указывает на проблему влияния удельных князей (аристократии) в истории церкви XV в.

Анализ биографии киевского князя Олельки Владимировича в белорусской историографии на современном этапе был проведен А. Скепьян. В то же время проблема взаимоотношения Олельки Владимировича с киевскими митрополитами была затронута в обобщающих трудах по истории церкви историками второй половины XIX – начала XX вв., такими как Е. Е. Голубинский, М. Грушевский, А. Н. Попов. Кроме того, в контексте церковной унии в истории Великого Княжества Литовского проблему взаимоотношения киевского князя с церковной иерархией рассмотрел И. Мончак.

Важно отметить, что Олелька Владимировичь приходился внуком князя Ольгерда, сыном киевского князя Владимира, что делало его близким родственником действующих в его время великих князей, в первую очередь Казимира Ягеллончика. Несмотря на лишение Владимира Ольгердовича Киева и его перемещение в Копыль в 1417 г., вероятно, по инициативе великого князя Витовта, князь Олелька женился на дочери великого князя московского Василия и Софьи Витовтовны Настасье. В результате этого брака он получил в удел город Слуцк.

Первое упоминание о взаимодействии князя Олельки Владимировича с чиновниками Киевской митрополии, известное по источникам, упоминается в 1420 г. в Супрасльской летописи. Согласно источнику в 1420 г. митрополит Фотий во время своего пребывания в Великом Княжестве Литовском крестил в Слуцке сына Олельки Семёна: «того же лета пошёл митрополит в Киев и в Слуцке крестил князя Семёна Александровича» [6]. Кроме того, как ранее заметил Е. Е. Голубинский, в одном из посланий митрополита Ионы князю Олельке, речь о котором пойдет ниже, киевский князь упоминается как «кум» митрополита Фотия: «по преставлении принопамятного отца нашего и вашего отца, и кума вашего, святого митрополита Фотия киевского и всея Руси» [8, с. 223].

После этого события князь Олелька Владимирович пропадает в вопросе взаимодействия с киевскими митрополитами. Период политического кризиса в Великом княжестве Литовском в 30-х гг. не раскрывает проблему отношений и роли князя Олельки Владимировича в вопросе выбора нового митрополита после смерти Фотия. В внутреннеполитической жизни церкви Олелька Владимирович появляется только после убийства Жигимонта, освобождения его из заточения и занятия Киева в 1440 г. Причем утверждение князя Олельки в Киеве происходило параллельно путешествию нового киевского митрополита Исидора на Ферраро-Флорентийский собор, подписанию митрополитом в 1439 г. акта церковной унии и возвращение в Москву через Великое Княжество Литовское. Именно в период возвращения киевского митрополита, а по подписанию акта унии кардинала и папского легата, вероятно, могла произойти встреча киевского митрополита и киевского князя.

Спорным в историографии является сюжет, связанный с прибытием митрополита Исидора в Киев. В частности, проблема взаимоотношений Олельки с киевским митрополитом связана с темой отношения князя к церковной унии. Среди источников, что затрагивают эту проблему, в историографии часто указывают Густыньскую летопись, где упоминается то, что митрополит-униат был изгнан из Киева местными жителями. Однако, сама летопись является поздним источником XVIII в. и уступает в приоритете грамоте самого Олельки Владимировича, выданной 5 февраля 1441 г. самому митрополиту Исидору, на доходы и имущества, что по праву принадлежит ему и об обещании не нарушать его этого права, защищать от вмешательства других [2].

Важно отметить, что относительно данной проблемы М. Грушевский [4] и Е. Голубинский [3] склонны считать, что данная грамота Олельки Владимировича не подтверждает принадлежности князя киевского к сторонникам унии. В тексте документа сам Исидор упоминается только как «митрополит Киевский», без его нового титула кардинала и легата, а также в тексте отсутствуют какие-либо сведения о самом факте заключения церковной унии. Это дает возможность обоим исследователям предположить, что местные православные удельные князья хотели видеть в Исидоре лишь своего православного митрополита. Однако важно отметить, что И. Мончак указывает на то, что отсутствие титулов кардинала и легата не свидетельствует об отрицательном отношении Олельки к унии, но позволяет предположить, что князь использовал эти титулы только когда говорил об Исидоре со стороны католической церкви [5, с. 189].

Гипотетически, возможно также отметить, что данную грамоту князя Олельки можно рассматривать не только как проявление лояльности или

нелояльности к унии, но и в плоскости сложившейся традиции взаимоотношения светской знати с высшими чинами духовенства. С 1299 г., с переездом митрополита Максима во Владимиро-Суздальскую землю город Киев, что всегда являлся центром митрополии, фактически остается без митрополита и управляется лишь его наместниками [9]. Князь Олелька Владимирович, став князем Киева, управляет городом-центром митрополии, что дает название всей митрополии, но в которой нет самого предстоятеля. В этом отношении, приезд Исидора в Киев и грамота Олельки Владимировича может рассматриваться и как сложившаяся традиция подтверждения светским владыкой прав духовного владыки, так и показательное действие самого князя, подчеркивающего свой статус, передав Исидору по образцу великих князей, что сами выбирали и утверждали митрополитов, грамоту, подтверждающую права митрополита на Киев.

Однако нельзя не отметить, что замешательство в Киевской митрополии, вызванное отсутствием митрополита из-за подписания унии, не принятой ранее в Москве, должно было вызвать у князя Олельки Владимировича потребность узнать все обстоятельства дела у самого патриарха. Так до нас дошел ответ константинопольского патриарха-униата Григория Маммы на послание князя, опубликованный А. Н. Поповым [7].

Стоит отметить, что данное послание патриарха не имеет конкретной даты. Свою аргументацию по поводу датировки данного документа приводили разные исследователи. Так А. Н. Попов относит написание послания в период 1446–1451 гг. [7]. В то же время Е. Е. Голубинский отмечает, что послание вероятно было написано до смерти императора Иоанна Палеолога и до утверждения митрополитом Ионы [3]. Более правдоподобной датой отправки послания И. Мончик считает 26 июня 1447 г. [5, с. 193].

Из текста самого ответа известно, что князь отправил со своим слугой Стецко послание к патриарху с просьбой разъяснить ситуацию с заключенной унией. При этом, патриарх в своем ответе поднимает не только тему взаимоотношения с римской церковью, но затрагивает проблему нового предстоятеля в Киевской митрополии. В отношении первого, Григорий Мамма указывает, что как в Риме, так и у них при богослужении поминается папа. В дополнение к этому, патриарх указывает, что в скором времени в свою митрополию вернется митрополит Исидор, и что не следует принимать во главу церкви тех, кто осуждает церковную унию.

По мнению Е. Е. Голубинского, именно известия о скором возвращении Исидора, что известно из послания патриарха Григория Маммы к киевскому князю, побудило московского князя ускорить процесс принятия собором местных епископов своего собственного митрополита [3]. Кроме того, на основе текста грамоты А. Н. Попов выдвигает предположение, что

Олелька Владимирович был склонен к идее принятия церковной унии, что побудило Иону написать специальное послание для увещевания и предостережения киевского князя, дабы Олелька не допустил ошибочного выбора в пользу принятия унии. Такой вывод, однако, А. Н. Попов делает на основании того, что само послание митрополита Ионы также не имеет конкретной даты и была направлено князю, как реакция на его послание патриарху [7].

Упомянутая выше грамота митрополита Ионы к князю Олельке Владимировичу является также спорным в историографии объектом изучения. Как отмечалось выше, данный документ также не содержит конкретной даты, и, более того, в историографии рассматривается в двух плоскостях. В первом случае, относительно уже упомянутой проблемы церковной унии, во втором, в контексте решения вопроса автокефалии митрополии и поддержания целостности «московской» и «литовской» частей Киевской митрополий.

Как отмечает О. А. Абеленцева, вероятнее всего данное послание было написано до 31 января 1451 г., до передачи митрополиту Ионе грамоты от Казимира Ягеллончика и Рады на права являться митрополитом и для епископств Великого Княжества Литовского, а не позже, как встречается в дореволюционной историографии. Кроме того, как следует из текста документа, и после 1448 г., как времени утверждения собором епископов Ионы в качестве митрополита [1, с. 212–213].

В тексте документа, стоит отметить, князь не порицается и не «проклиняется» митрополитом Ионой принципиально, как уже преступивший черту противник. Более того, митрополит, даже если и знал о послании князя патриарху Григорию Мамме, лишь предостерегает Олельку Владимировича от пагубных решений. В этом плане князь Олелька предстает перед нами не в форме, князя, принявшего окончательное решение перейти под унию, но остающегося в том же неопределенном положении, что и вся «литовская» часть Киевской митрополии.

В своем послании митрополит Иона упоминает об отрицательном отношении к унии и поведению Константинополя, принявшего соединение с Римом: «А сам, сыну, веси, что Божиею благодатию, оприсно Зборныя Церкви Святыя София и царевы полаты во Цариграде, ни в монастырех, ни во единой ни в которой в Божией церкви, во всем Царииграде и во всей Святой Горе, нигде же не поминается папино имя, а держат вси милостью Божию ту старину, еже по Божию повелению святых апостол и от богоносных отец, по священным правилом и по всему Божественному Писанию нам преданую» [8, с. 224].

Однако, акцент в данном документе московский митрополит делает именно на решение того самого неопределенного состояния, обосновывая правоту своего избрания московским князем в митрополиты. Так святитель Иона говорит в послании, что переговоры о его назначении на место митрополита велись еще ранее: «А отпущаючи Сиидор на русь, а нас с ним, и святыи патриарх и еже о нем Божественный и Священный и Вселенский Собор Исиидору так заповедаша, а нас благословиша: „Аще когда Исиидор или волею Божию умрет или каково инаково о нем (л. 154 об.) что ся състанет, ино мне, ино мне, грешному, уже то готово быти по ней в Руси митрополитом“» [8, с. 225]. Кроме того, митрополит Иона ссылается и на правоту действий тех, кто избрал его предстоятелем Киевской митрополии.

В тексте документа митрополит также акцентируется внимание на необходимости объединения митрополии: «киевского князя в деле соединения митрополии, о чем и говорится в послании: „Еще же и о том тебе, своего сына благословляю, яко да восприимет Божия церковь древнее благолепие, и да совокупиться попрежнему святейшая Киевская и всея Руси митрополия воедино“» [8, с. 226].

По данному посланию, если и не удастся выделить конкретно позицию Олельки Владимировича в отношении к унии, во всяком случае исходя из самого факта его написания, можно отметить существующий вес и значимость князя в решении данного вопроса. Однако в то же время реальное решение по объединению литовских епархий под юрисдикцией митрополита Ионы, как видно из текста, зависит от решений великих князей Василия Васильевича и Казимира Ягеллончика. Косвенно, на это может указывать и то, что митрополит в своём послании отмечает положительный взгляд Казимира Ягеллончика на принятие Ионы митрополитом и для Великого Княжества Литовского: «И как Бог положил на сердце великому госпадарю, благородному, славному, превысокому, от Вседержителя Бога превозвышенному полскому королеви и великому князю литовьскому Казимиру самодержьцу великих двоих госпадарьств, писал до нас, до своих богомолцев свой лист с великим своим желованием, а хочет Божией Церкви церковная оправдания вся учинити по старине, а мене, своего богомолца, хочет жаловать, а к нам хочет послать свое отвести, как от своего госпадарьства, от Лятцких держав, в своих державах, как будет в Литовьской земли, и нам быти тогды у него, как нам возвелит у се (л. 155) бе быти» [8, с. 225].

В связи с этим, сама роль Олельки Владимировича по данному документу, с точки зрения О. А. Абеленцевой, заключается в том, чтобы быть посредником в вопросе получения прав на епископства Великого Княжества Литовского между ним и великим князем Казимиром Ягеллончиком:

«Предполагаемый порядок получения прав был следующий: король и великий князь Казимир IV прибывает в свою „богомолью“, то есть в польскую или литовскую часть владений, куда к нему прибывает митрополит Иона или его посол с прошением о передаче прав» [1, с. 312].

Окончательным решением князя Олельки Владимировича стало все же принятие митрополита Ионы владыкой и для епархий Великого Княжества Литовского. 31 января 1451 г. Казимир Ягеллончик и Рады Великого Княжества Литовского выдали грамоту митрополиту Ионе на управление литовскими епархиями. Среди подписавших данный документ был и киевский князь Олелька Владимирович.

На основе этого в историографии, в частности в трудах М. Грушевского, существует точка зрения, что принятие литовскими епископствами под юрисдикцию «московского» митрополита является результатом деятельности и позиции киевского князя, который поддержал это положение. Так Н. Грушевский пишет: «Очевидно, вони то — князі Волини й Київщини, головою й постарали ся коло признання Іони» [3, с. 528].

В то же время И. Мочак, напротив, придерживается противоположной позиции по данному вопросу. По мнению исследователя, киевский князь Олелька Владимирович наоборот, долго не признавал Иону. Лишь обещания московского митрополита заручиться поддержкой константинопольского патриарха и получить его благословение, дало возможность Ионе получить признание киевского князя [5, с. 199].

Таким образом, можно предположить, что, несмотря на родственные связи Олельки Владимировича с Ягеллонами, его брак с московской княжной, который выводит его на политическую арену как значимую и заметную фигуру, а также его «вокняжение» в Киеве — городе *de jure* митрополичьего центра — делают его неотъемлемым участником религиозной жизни Великого Княжества Литовского. Фигура Олельки Владимировича становится объектом, на который московским митрополитам имеет смысл оказывать влияние; однако у киевского князя есть свои амбиции и позиции в религиозной жизни своего региона. По крайней мере, если реальным решением и воздействием на внутренние дела Киевской митрополии стало участие киевского князя на Раде в Вильно в 1451 г., которая утвердила митрополита Иону, то грамота 1441 г., выданная митрополиту Исидору, и послание Патриарху Григорию Мамме воспринимаются как заявления Олельки Владимировича о своей значимой роли в религиозной жизни Великого Княжества Литовского. Несмотря на спорную значимость тех или иных грамот, полученных или отправленных не только от митрополита Киевского, но и Константинопольского патриарха, их наличие

говорит о постепенном росте значимости князя Олельки в политической жизни церкви, а также о особой роли удельных князей в решении тех или иных вопросов церковной жизни, имеющих политическое значение.

Библиографические ссылки

1. *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 Отечественная история. Санкт-Петербург, 2002. 402 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1 : 1334–1598 / [приготовил к изданию И. Григорович] в Типографии Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. [2], VIII, 551, 43 с.
3. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Том 2. Часть 2: Период второй. Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. М.: Императорский университет при Моск. университете. 1911. 624 с.
4. *Грушевський М.* Історія України — Руси. Т. 5 : Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII в. Нью-Йорк: «ДНИГО-СПЛКА», 1955. 687 с.
5. *Мончак І.* Флорентійський екуменізм у Київській Церкві: Унійна ідея у помісній еклесіяльній традиції. Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2012. 364 с.
6. Полное собрание русских летописей / Академия наук СССР, Институт истории. Т. 35 : Летописи белорусско-литовские / [составитель и редактор Н. Н. Улащик]. Москва : Наука, 1980. 305 с.
7. *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). Москва: Типография Т. Рись, 1875. 427 с.
8. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / под ред. А. И. Плигузова. Москва: Языки славянских культур, 2008. 544 с.
9. *Рыбинский В. П.* Киевская митрополичья кафедра с половины XIII до конца XVI века. Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1891. 95 с.
10. *Скеп'ян А. А.* Князі Слуцкія. Мінск : Беларусь, 2013. 246 с.